

Цюн-ци выглядел недовольным, и что удивительно, Тун Цинхэ мог это понять.

Огромный свирепый зверь смотрел с обидой. Он то скреб лапой пол, то кусал свою шерсть, сплёвывая выкусанное, длинный хвост, волочащийся по полу, мерно взмахивал. Ноздри сердито фыркали, и он напоминал рассерженного ребёнка.

Тун Цинхэ, сидя на коленях у Цзян Шаочжи, не мог отвести глаз. Он даже забыл о книге, которую держал в руках. Он быстро нагнулся, надел туфли, прыгнул на пол и побежал к Цюн-ци.

Увидев, что маленький омега приближается, Цюн-ци спрятал острые когти, показав мягкие подушечки лап, и позволил ему прикасаться и гладить себя с любопытством. Его круглые глаза не отрывались от маленького омеги.

Тун Цинхэ присел на корточки. Огромная голова Цюн-ци опустилась и ткнулась в его ладонь, как бы прося, чтобы его погладили.

Тун Цинхэ ахнул от любопытства и нетерпения. Он повернул голову к Цзян Шаочжи. Его альфа сидел без выражения, не издавая звука и не препятствуя. Тун Цинхэ, осмелев, стал сильнее тереть голову Цюн-ци.

Цюн-ци напоминал величественного, крылатого большого кота. На его голове прятались два коричневато-чёрных заострённых уха, которые выглядели маленькими и милыми по сравнению с мордой. Стоило Тун Цинхэ слегка коснуться его ушей, Цюн-ци немедленно чихнул, и где-то сзади послышался глухой стон.

— Дядя, ты, что, простудился? — озадаченно спросил Тун Цинхэ.

Он почесал маленькие ушки Цюн-ци, балуясь ими в ладони. Челюсть Цзян Шаочжи сжималась всё туже, он сидел совершенно прямо.

Цюн-ци чихал без остановки. Тун Цинхэ отпустил его уши и заметил, что его дядя-альфа стал дышать тяжелее.

Тун Цинхэ находил это всё более подозрительным, чувствуя, что его альфа что-то от него скрывает. Он наклонился и поцеловал Цюн-ци в ухо, легонько покусывая пушистое маленькое ухо.

Цюн-ци издавал сдавленное, мурлычущее рычание. Его лапы отчаянно скребли и тёрли пол, но стоило острым когтям почти коснуться Тун Цинхэ, как они тут же втягивались.

Почти полностью «замучив» маленькие ушки Цюн-ци медленными и нежными покусываниями, Тун Цинхэ вскочил и побежал обратно к Цзян Шаочжи.

У Цзян Шаочжи не было времени скрыть свои уши: яркий румянец расползлся от кончиков ушей до шеи. Хотя Тун Цинхэ кусал уши Цюн-ци, уши хозяина — его ментального образа — покраснели до невозможности.

Тун Цинхэ смотрел не отрываясь: — Дядя, твои уши такие красные.

Кадык Цзян Шаочжи дёрнулся. Тун Цинхэ протянул руку, чтобы потрогать его, и отдёрнул.

— Дядя, ты и Цюн-ци... — Он говорил медленно и задумчиво. — Когда я целую Цюн-ци, ты чувствуешь это? Поэтому твои уши и покраснели?

Тун Цинхэ говорил так, словно читал по бумажке, боясь обидеть своего альфу:

— Ментальный образ и его владелец — единое целое, которое невозможно разделить. Его чувства — это твои чувства, или же они исходят от тебя, тогда только что... — Тун Цинхэ сделал паузу и пришёл к ошеломляющему выводу. — Дядя сошёл с ума.

Альфа внезапно почувствовал облегчение. Его маленький омега, этот неуклюжий, словно полено, наконец-то прозрел.

И не слишком поздно.

— Угу, — невозмутимо ответил Цзян Шаочжи. Его контроль над эмоциями был поразительным.

Если бы не красные уши альфы и реакция его ментального образа, Тун Цинхэ мог бы подумать, что его дядя — человек без особых эмоциональных всплесков.

— В следующий раз не смотри на ментальные образы других людей, — сказал Цзян Шаочжи.

Тун Цинхэ кивнул.

В этот момент Цюн-ци издал низкий рык, демонстрируя на своей кошачьей морде неудовлетворённое желание. Тун Цинхэ посмотрел на своего альфу, который был спокоен, как вода, без особых изменений в выражении лица.

Он снова не мог не восхититься самообладанием альфы. Он вспомнил, как в прошлый раз Цюн-ци сам подставил ему хвост, чтобы его погладили, как он раскрыл живот, чтобы Тун Цинхэ мог согреть на нём ноги, и как огромный свирепый зверь даже издавал нежные звуки. Всё это было на самом деле искренним желанием Цзян Шаочжи.

Тун Цинхэ это казалось невероятным. Он просто не мог связать невозмутимого альфу,

сидящего перед ним, с вечно жалующимся и милым Цюн-ци. Или, быть может, его дядя-альфа был человеком, который всегда говорил не то, что думал?

Цзян Шаочжи открыл книгу Тун Цинхэ, нажал кнопку на пульте, и шторы автоматически поднялись, открывая вид на великолепную, мерцающую галактику вокруг звездолёта.

Тун Цинхэ был потрясён.

— Как красиво, — воскликнул он.

Он долго смотрел, прислонившись к окну. Когда ноги устали, Цюн-ци подтолкнул его к Цзян Шаочжи и посадил к нему.

Взгляд Цзян Шаочжи смягчился. Он притянул Тун Цинхэ обратно к себе на колени, полуобнял его, положив руки на него, и наслаждался тишиной момента на фоне межзвёздной галактики:

— Читай книгу.

Содержание книги было посвящено теме его диссертации. Хотя Тун Цинхэ и нравилась красота галактики, учёба была важнее. Он дочитывал страницу, Цзян Шаочжи переворачивал следующую. Прочитав примерно половину книги, Тун Цинхэ заснул, прислонившись к широкой груди альфы. Его дыхание стало слабым, рот слегка приоткрылся, выпуская тёплый воздух.

Цзян Шаочжи осторожно повернул маленького омегу. Его пушистая голова покоилась в сгибе его руки, а лицо было обращено к нему. Ресницы были похожи на два опущенных чёрных веера.

Даже несмотря на то, что лицо Тун Цинхэ после маскировки было невыразительным, в голове Цзян Шаочжи стоял десятиуровневый фильтр. Он не мог насмотреться.

“Красивый.”

Наблюдая, Цзян Шаочжи потянулся и погладил своё всё ещё горячее ухо. Медленно в уголках его глаз появилась улыбка.

Звездолёт благополучно приземлился в столице Федерации. На этот раз Цзян Шаочжи привёл спецотряд «Цюн-ци» обратно в страну в тайне, никого не уведомляя. Он довёз Тун Цинхэ до правительственного района и тут же направился в Военный центр Федерации, чтобы подробно отчитаться о выполнении задания.

Чжоу Чэ проводил Тун Цинхэ до подъезда жилого комплекса, убедился, что он в безопасности, и только потом уехал, готовясь доложить своему начальству о деталях поездки.

Тун Яо был занят государственными делами, и в доме было пусто, только робот Цю-Цю поспешил открыть дверь.

Увидев Тун Цинхэ, Цю-Цю не сдерживал своих искусственных слёз, намочив его рубашку. В чип Цю-Цю недавно была загружена программа человеческого эмоционального восприятия, где радость, гнев, печаль и веселье относились к реакциям первого уровня. Теперь Цю-Цю развился до более высокого уровня и мог ощущать горечь расставания между людьми.

Тун Цинхэ наслаждался «крещением» слезами Цю-Цю, после чего достал салфетку, чтобы вытереть их:

— Если будешь так плакать, не будешь похож на маленького джентльмена.

Цю-Цю наморщил носик: — Почему хозяин не предупредил о своём возвращении? Цю-Цю мог бы приехать за тобой.

Тун Цинхэ, встряхивая свою рубашку, которая из-за слёз стала полупрозрачной, удивлённо спросил: — Ты даже машину научился водить?

Цю-Цю громко кивнул и умело открыл своё обновлённое программное обеспечение, проецируя его содержание на экран для Тун Цинхэ.

За то время, пока Тун Цинхэ был в Зоне D1, Цю-Цю сдал экзамен на водительские права и даже научился рукопашному бою. На нём теперь было микроскопическое оружие, способное вызвать оцепенение. Из маленького дворецкого он превратился в личного телохранителя.

Цю-Цю был одним из первых роботов в Федерации, получивших водительские права, и даже выиграл соответствующую награду от учреждения.

Тун Цинхэ был поражён, Цю-Цю скромно поклонился и побежал на кухню готовить любимое печенье Тун Цинхэ.

Тун Цинхэ поднялся в свою комнату, чтобы переодеться из мокрой рубашки, отправил сестре сообщение о благополучном возвращении и связался со своим научным руководителем, чтобы объяснить ситуацию с полётом на Планету D1.

Научный руководитель был очень доволен его работой и посоветовал ему оставшееся время потратить на подготовку диссертации. Он сказал, что у него есть знакомые в кругах Федерального исследовательского института, которые могли бы ему помочь.

Цю-Цю принёс горячий суп и изысканные, вкусные пирожные. Тун Цинхэ закончил разговор с научным руководителем и похвалил Цю-Цю за то, что его кулинарные навыки значительно улучшились.

Пока Тун Цинхэ ел, Цю-Цю воспользовался моментом, чтобы измерить показатели его тела, — это было поручение Тун Яо, которое Цю-Цю должен был строго выполнять.

Когда результаты измерения появились, лицо Цю-Цю вытянулось, словно у него подвесили огурец, и он обеспокоенно сказал:

— Вес снизился на 2 кг, ты похудел. Концентрация феромонов превышает норму. Есть признаки преждевременного созревания железы. — И что самое главное, на теле его маленького хозяина были следы, похожие на те, что остаются после насилия. Эти синяки и ушибы почти исчезли благодаря мази, но они не ускользнули от тщательной проверки Цю-Цю.

Цю-Цю был глубоко обеспокоен и подозревал, что его маленький хозяин нашёл дикого альфу в Зоне D1. Как могла железа созреть раньше, чем ожидалось, и проявить признаки зрелости, если не под воздействием стимуляции и влияния альфы?

Тун Цинхэ впервые видел, чтобы Цю-Цю не мог выдать из себя и слова. Он поставил миску с супом и с беспокойством спросил:

— Цю-Цю, у тебя программа дала сбой?

Цю-Цю покачал головой, и его лицо выражало почти плач.

— Маленький хозяин, ты... — Новая, недавно имплантированная программа общения сделала мимику Цю-Цю более богатой и реалистичной. Он осторожно спросил: — Ты нашёл дикого альфу?

Если Тун Яо узнает, что Тун Цинхэ тайком нашёл дикого альфу, Цю-Цю, скорее всего, попадёт под гневное возмездие, а в худшем случае его могут даже разобрать.

— Дикого альфу? — Тун Цинхэ не понимал, о чём речь.

Цю-Цю с трудом сглотнул слюну и сказал:

— Твоя железа почти созрела. Изначально твоя течка ожидалась двенадцатого числа следующего месяца, но измерения показывают, что она наступит примерно на следующей неделе.

Тун Цинхэ был озадачен: — А... она наступит?

Цю-Цю ещё более осторожно спросил: — Да, поэтому... твой альфа?

— У меня есть альфа, — Тун Цинхэ провёл пальцем по экрану своего коммуникатора и вскоре показал Цю-Цю информацию о своём партнере.

Цю-Цю был шокирован, увидев стопроцентную совместимость.

Тун Цинхэ склонил голову и начал набирать сообщение для Цзян Шаочжи:

— Дядя, Цю-Цю, то есть мой робот, сказал мне, что мой гон наступит примерно на следующей неделе.

<http://bllate.org/book/4/74>